

ПОРТРЕТ

Счастливым человеком

Олег ЕГОШИНА

Экран и сцена -
1999 - окт. (№ 41)
- 9/16

Он кажется таким довольным собой, что одновременно радует взор и возмущает нравственное чувство. К счастливицам у нас относятся настороженно. А к людям, которые своей удачей хвастаются, — особенно. Хотя его рефрен: "Я счастливый человек!" — слишком настойчив, чтобы внушать доверие.

Наверное, путь Олега Табакова с удовольствием описал бы Марио Пьюзо, автор "Крестного отца", писатель, которому особенно интересны были мальчишки, делавшие себя хозяевами жизни. Олег Табаков часто вспоминает, как его мама поднимала двух детей, работая на двух ставках, и традиционный борщ на обед и ужин.

В финале празднования юбилея своей Студии Олег Табаков поднялся на сцену Дома Актера, взял микрофон и, мягко замурлыкав песенку о том, что "тихо в лесу, все звери спят", закружился в вальсе. Ну, ни дать, ни взять дон Вито Корлеоне на свадьбе своей дочери. Человек, сам сделавший себя тем, что есть, человек, который сам режиссирует свою судьбу и везет свое везение.

В созвездии талантов «Современника» Олег Табаков выделялся юностью, открытостью, особой чистотой: голубоглазый интеллигентный провинциал с открытым лицом, с ямочками на щеках, от частой улыбки, душевный, отзывчивый, располагающий к себе. Олег Ефремов писал о том, как в репетиционную комнату входит Лелик, и все начинают улыбаться, и в комнате становится светлее: "каждый его приход в театр (на репетицию, на спектакль) сразу создавал вокруг него некое магнитное поле доброты, открытости, улыбок, которые появлялись даже на лицах людей, по натуре замкнутых, неулыбчивых... Он вносил в нашу многосложную жизнь уверенность, какое-то светлое и радостное начало..."

В буклете к юбилею Олега Ефремова Олег Табаков вспомнит о своих переживаниях первых лет в "Современнике": "Дитя военных лет, я всегда запасал еду. Особенно сладкое, которого в войну не было... У ребят, у Ефремова, у Игоря Кваши, была тогда одна забава: они ко мне заглядывали и раскулачивали меня начисто. Я страдал, но будучи мальчиком из интеллигентной семьи, молчал, так как было неприлично говорить им: не ешьте, мол, мое!"

Когда что-то не ладится, когда неприятности — к кому обратиться за помощью? Кто самый безотказный, отзывчивый — тот же Лелик. "Солнечный мальчик", открытый миру. Сыгранные им мальчишки — Миша, Олег, Толя, Славик, — также подкупали и радовали этой отзывчивостью, открытостью, правдивостью, готовностью немедленно откликнуться и немедленно помочь. Критики с удовольствием видели в сценических работах лирическое самораскрытие актера, размышляли о совпадении зерна личности актера и зерна образа.

Легко ли жить "солнечному мальчику"? Легко ли жить с установкой на растру, на раздачу, на щедрый выплеск себя? В двадцать девять лет Олег Табаков, по его словам, неосторожно подхватил инфаркт, и, проведя полгода на постельном режиме, сыграл Александра Адуева в "Обыкновенной истории", поставленной Галиной Волчек.

Роман Гончарова о юном мечтателе, который становится деловым чиновником, в середине шестидесятых годов легко ассоциировался с привычной проблематикой предательства идеалов, юношеских стремлений и мечтаний, со ставшей клише историей идеа-

листа, превратившегося в циника. Олег Табаков сыграл сюжет гораздо более емкий. Каждый жизненный урок становился для его героя своего рода "микроинфарктом", и раз за разом он с непреклонностью утверждался в мысли, что выжить можно, только научившись экономить сердце, нервы, душу, взяв под строгий контроль все свои поступки и порывы. Александр Адуев учился рассчитывать и хитрить, властвовать собою. Можно сказать, что его герой учился способу профессиональной жизни. Отчаянный игрок в рулетку, кидающий фишки на поле любви или славы, превратился в расчетливого игрока, который знает, когда рисковать и насколько можно зарываться... В финальной сцене стоял хозяин своей судьбы, человек, которому равно дались и карьера и фортуна, человек, который знал, что он хочет и как этого достичь.

Спектакль "Обыкновенная история" и игра Табакова были высоко оценены и публикой, и критикой, и правительственными наградами. Во всех смыслах это была удачная, центральная, поворотная роль. С высоты прошедших лет можно сказать, что Табаков в роли Адуева предвосхитил тип, который войдет в нашу жизнь двумя десятилетиями позднее.

Критики любят рассуждать о том, что из своего жизненного опыта, из душевной памяти, из особенностей характера приносит актер в исполнение роли. Не менее важно понять, что из "прожитой роли" оседает в нервах, мускулах, психике и физике актера.

"Солнечный мальчик" превратился в делового человека, прекрасно знающего себе цену, у которого уже вряд ли кто-либо мог попытаться "съесть" или что-то отобрать. Проявившиеся в нем административные таланты, а также качество, которое он сам называет «бульдозерной настойчивостью», помогли ему и на посту директора в «Современнике», и в период создания собственной студии, и сейчас — в руководстве «Табакеркой», в должности ректора Школы-студии МХАТ. Олег Табаков стал одним из самых удачливых "деловых людей" в театральной среде. И времена перестройки, многих из его коллег заставшие врасплох, оказались вполне по плечу Олегу Табакову.

О том, как активность Табакова отражается в актерской профессии, точнее всех сказал Анатолий Эфрос: "он проскальзывал в уже закрывающуюся дверь секунда в секунду, когда начиналась репетиция. Лицо было плохо вымыто после киногрима. Тем не менее глупо было сердиться, ибо через десять минут выяснялось, что к репетиции он подготовлен лучше других, совершенно свободных. 70-80-е годы — время расцвета. Он играет в театре, кино, на телевидении. Десятки ролей, десятки характеров. Он с равной убедительностью носит современные и исторические костюмы. Играет в драме и комедии. Ему равно дается жизненная достоверность и гротесковая заостренность. О его актерских работах все чаще гово-

рят "виртуозное мастерство". Его кот Матроскин становится персонажем вполне фольклорным, а сыгранный у Никиты Михалкова Обломов — киноклассикой.

Роль Сальери в "Амадее" Шеффера — первую роль на сцене Художественного театра, куда он перешел в 1983 году, — Табаков сыграл с тем концертным "брио", которое уже 16 лет обеспечивает аншлаги этому спектаклю. Можно представить себе Сальери, сыгранного глубже, трагичнее, умнее. Блистательнее — невозможно. Табаков сыграл великолепного комедианта, упивающегося самим процессом жизни-игры, получающим удовольствие от каждого мгновения, отвратительного в своей чувственной достоверности и неотразимости.

Игровое начало человеческой природы, доза комедиантства, отпущенного каждому человеку, — всегда интересовали этого актера. Гениальным бессознательным лицедеем был его Хлестаков, сыгранный в пражском театре и оставшийся любимой ролью. Лицедеем был и его Коломийцев в "Последних" Максима Горького, поставленных Адольфом Шапиро. Дворянин, пошедший на службу в жандармы, красной, давно переставший вникать в слова, произносимые по привычке, как затверженный наизусть текст, его Иван Коломийцев по-прежнему кокетлив. Он с нескрываемым удовольствием позирует в роли благородного отца, великодушного супруга, старого бойца, опоры престола — лишь бы поза была выгодно освещена. Породиный, стареющий жуир искренне не понимает, что давно стал

пешкой в чужих грязных руках, не умеет и боится взглянуть на себя со стороны, отделить себя от играемой роли. В его Коломийцеве с удовольствием видели переключку с современными политическими деятелями, но, пожалуй, прежде всего, он был плохим актером, актером, лишенном рефлексии.

Олег Табаков как-то заметил, что артисту необходима точная самооценка, безжалостность в самоанализе. Характерно, что самые жесткие слова об Олеге Табакове принадлежат Олегу Табакову. Он легко огорчивается корреспондента заявлением: "Молчалин предо мной — мальчишка!" или "Я — конформист!". Добродушно улыбаясь, интимно замечает: "Я — богатый человек!"

Бывают актеры, опережающие время, предвосхищающие будущее, бывают актеры, остающиеся в своем времени и не желающие меняться. Олег Табаков живет в ладу с пульсом меняющейся жизни, легко и пластично осваивая новых героев, открытых днем сегодняшним: от розовских мальчишек до нищего старика Ивана Жукова.

Что привлекло Олега Табакова, предельно далекого и от бедных людей и от черного юмора к роли несимпатичного пенсионера? Постепенный переход на новое амплуа "стариков" (первая пристрелка — фильм Киры Муратовой "Три истории")? Необходимость ролей в современной пьесе, необходимость встречи с новым для себя режиссером (недавно позвал Каму Гинкаса)? Или та самая актерская жилка, которая сильнее рассудка?

Так или иначе, но роль выбрана трудная: ладно бы без эффектных поворотов, но ведь и без развития. Актеру предлагается сплести вальс на месте: сыграть вариации одного положения в цепочке произвольно связанных этюдов. Сюжеты писем варьируют одну тему, и от актера требуется почти виртуозное умение "микродвижений" в роли. Первые двадцать минут вообще идут в полном молчании. В этой тишине каждый жест приобретает особую рельефность: как ходит, тяжело опираясь на костыль; как прислушивается к звукам соседей за стеной; как берет отломанный маятник и начинает бесечно раскачивать; подносит фотографию к лицу и глядится в надтреснутое зеркало шифоньера. Табаков не остается неподвижным ни единой секунды. Он завораживающе достоверен: у каждого из нас есть такой знакомый Иван Сидорович — сосед по дому, по даче, по улице. На эту роль можно водить студентов, предметно показывая распыляющее понятие "актерское мастерство".

Табаков играет в Жукове "уходящую натуру", человеческий тип медленно, постепенно исчезающий из нашей жизни. Больше не будет такого Ивана Сидоровича с его однокомнатной квартирой-берлогой, забитой остовами дряхлых вещей, давно ставших знаками самих себя: патефон с единственной заезженной пластинкой, неработающий холодильник, шифоньер, топчан, остановившиеся часы, гармонь; с его пенсией, которой хватает только на две недели, а дальше приходится жить, чем придется; с его мешаниной военных и эстрадных песен: от "Осеннего вальса" до "Миллиона алых роз"; с его мечтой о городе, где чистые улицы и все дешево, где никто не толкается, где много улыбок, а дети растут умными и здоровыми.

Табаков-Жуков легко устанавливает с аудиторией нужную дистанцию, мягко заставляя зрителя проживать целую гамму противоречивых чувств в отношении к своему герою: от легкой безразличности до насмешки, от отвращения до нерассуждающей жалости. Среди искреннего смеха над изысканиями английской королевы, которая вдруг поняла, что нет в Европе такого мужика, как Иван Сидорович, вдруг что-то колется сердце, и наступает состояние, которое написал Гоголь в своей "Шинели": "что Вы меня обижаете! И под этим звенящее — брат мой!" Выходя на поклон после премьеры "Комнаты смеха", уставший, измотанный, без привычной иронической равнодушной маски, Олег Табаков с тревогой всматривался в зрительный зал. Услышав аплодисменты, уловив привычный гул успеха, улыбнулся растерянной улыбкой победителя.

Становится обидно, что руководитель театра Олег Павлович Табаков так равнодушен к творческой судьбе актера Олега Табакова. Что так редко выпадает ему серьезная работа с крупными режиссерами, талантливыми и сильными партнерами... Актерская судьба скоротечна. Время уносит роли, которые еще недавно можно было бы сыграть, а теперь поздно... Табаков сейчас в прекрасной форме. И будет жаль, если это творческое состояние останется недовостребованным, недоиспользованным. Хотелось бы, чтобы Олег Табаков мог сказать о себе не только: "Я — счастливый человек", но "Я — счастливый актер".